

Какая же это шутка!

Едва Хуа Чэ успел увидеть Мэй Цайлянь, как та обрушилась на него с гневной тирадой, не дав и слова вставить.

— Помолвка? Какая помолвка? Откуда мне знать, что мой сын был с тобой помолвлен? Где документы? Где залог? Даже если они есть, это не доказывает их подлинность. Ты ведь знаешь, какое место Юньтянь Шуйцзин занимает в мире совершенствования? Сколько людей ломают головы, чтобы породниться с нами, сколько знатных девушек мечтают выйти замуж за моего сына. Пожалуйста, взгляни в зеркало и посмотри, в чём ты достоин Бинхуаня. И вообще, что ты делаешь в этом месте?

Все заранее обдуманное слова застряли в горле. Молодой и вспыльчивый Хуа Чэ лишь усмехнулся, не желая позволить растоптать своё достоинство. Вместо того чтобы говорить о разрыве помолвки, он высокомерно заявил:

— Я уже смотрел в зеркало. Мы идеально подходим друг другу, просто идеально!

Как именно выглядела в тот момент Мэй Цайлянь, Хуа Чэ уже не помнил. Он лишь знал, что его выгнали из Юньтянь Шуйцзин.

Обиженный её словами, он не захотел прожить жизнь в неизвестности и решил вступить на путь совершенствования, чтобы стать могущественным и влиятельным.

Так он решил поступить в секту Шанцин, которая превосходила Юньтянь Шуйцзин, и на пути к учителю встретил Чу Бинхуаня. Тогда они не узнали друг друга, и это привело к забавным недоразумениям.

Вспоминая эти старые истории, Хуа Чэ на мгновение отвлёкся и, очнувшись, обнаружил, что слуга уже привёл его в Юньтянь Шуйцзин.

Внезапно кто-то окликнул его. Хуа Чэ обернулся и увидел, что это Бабушка Цзян, которая догнала его. В руках она держала плащ, сначала аккуратно накинула его на Хуа Чэ, а затем с извинениями объяснила слуге:

— Простите за бестактность. Мой молодой господин слаб здоровьем, и я боюсь, как бы он не простудился. Пожалуйста, позаботьтесь о нём.

Сердце Хуа Чэ согрелось, но прежде чем он успел что-то сказать, Бабушка Цзян поспешно подтолкнула его вперёд. В конце концов, он был бедняком, скитающимся без крова, и не мог заставлять ждать знатную госпожу Мэй.

Следуя за слугой, Хуа Чэ вошёл в павильон Юньтянь. Там никого не было. Он простоял

полчаса, и за это время ему не предложили ни чая, ни даже слуги, не говоря уже о том, чтобы увидеть Мэй Цайлянь. Хуа Чэ знал, что это было сделано намеренно.

В прошлой жизни он ждал четыре часа. Хотя он и был низкого происхождения, его воспитание было безупречным. Цинь, шахматы, каллиграфия, живопись, уважение к старшим — всему этому его лично обучала Хуа Мэйэр. Он не сел, а стоял, соблюдая приличия, до самого заката.

Скрестив руки на груди, Хуа Чэ усмехнулся, обошёл низкий столик и сел на циновку.

Сейчас он ещё не начал практиковать совершенствование и был обычным смертным, уставшим после долгого подъёма в горы.

Просидев некоторое время, Хуа Чэ устал от строгой позы и начал разваливаться, наклоняясь в разные стороны. Когда он уже собирался прилечь, наконец появилась занятая госпожа Мэй Цайлянь.

После того как служанки подали чай и закуски, Хуа Чэ медленно поднялся и небрежно произнёс:

— Прошу прощения за бестактность.

Мэй Цайлянь с мрачным выражением лица сухо ответила:

— Садитесь.

Хуа Чэ сел, скрестив ноги, и взял чашку чая, чтобы промочить горло. Его намерения уже сообщили Мэй Цайлянь, и он не стал тратить время на пустые любезности. Мэй Цайлянь, находясь в плохом настроении, также не стала ходить вокруг да около и сразу перешла к делу:

— Мне сказали, что ты пришёл искать моего сына Бинхуаня из-за какой-то помолвки, заключённой до вашего рождения. Ты...

Мэй Цайлянь посмотрела на Хуа Чэ и запнулась.

Хуа Чэ сложил руки в приветствии:

— Меня зовут Хуа Чэ, второе имя Цинкун. Чэ — как «чистый», Цинкун — как «ясное небо».

Мэй Цайлянь не придавала значения его имени, лишь кивнула:

— Хорошо, Хуа Цинкун, да? Я знаю, зачем ты пришёл. Но как мать, я никогда не слышала о

том, что мой сын был с тобой помолвлен. Смешно, не правда ли?

Хуа Чэ вежливо улыбнулся.

Мэй Цайлянь на мгновение замерла.

Хотя она не хотела признавать, но её действительно поразила внешность этого шестнадцатилетнего юноши.

Его кожа была невероятно белой, черты лица чёткими и изящными, а узкие глаза, напоминающие феникса, излучали невероятное очарование. Его редкий кашель и ещё не до конца сформировавшийся подростковый силуэт придавали ему некую болезненную красоту, которая завораживала и притягивала.

И это только в юности. Что же будет, когда он вырастет?

К сожалению, красота — это не всё. Он был сыном проститутки, низкого происхождения и обычным смертным. Если бы не это, возможно, этот брак и имел бы смысл.

Хуа Чэ поставил чашку и перешёл к сути:

— Этот брак был заключён нашими предками. Моя мать никогда не говорила мне об этом, и только после моих расспросов Бабушка Цзян рассказала...

— Помолвка? Какая помолвка? Откуда мне знать, что мой сын был с тобой помолвлен? — перебила его Мэй Цайлянь, её красивые глаза выражали презрение. — Где документы? Где залог? Даже если они есть, это не доказывает их подлинность...

— Я пришёл, чтобы разорвать помолвку.

— Ты ведь знаешь, какое место Юньтянь Шуйцзин занимает в мире совершенствования. Сколько людей ломают головы, чтобы породниться с нами, сколько знатных девушек... Что?!

Мэй Цайлянь побледнела, застыв на месте.

Улыбка на лице Хуа Чэ стала шире. Он поднялся, опираясь на колени, и сказал:

— Хотя наши предки хотели укрепить связь между нашими семьями, сейчас мы слишком разные. Давайте не будем мучить друг друга.

Мэй Цайлянь была потрясена.

Его слова звучали так, будто это она, пользуясь своим положением, презирала Хуа Чэ и нарушала волю предков, поступая не по-сыновьи.

Хуа Чэ достал нефритовую подвеску и положил её на стол:

— Кроме того, мы с вашим сыном оба мужчины, и каждый из нас — единственный ребёнок. Ваше желание продолжить род и не выполнять помолвку вполне понятно. На этом всё, прощайте!

— Пойдите!

Мэй Цайлянь, увидев, что Хуа Чэ поворачивается, чтобы уйти, поспешно остановила его, её украшения зазвенели.

То, что она сама не хотела Хуа Чэ и выгоняла его, было одно. Но то, что он сам предложил разорвать помолвку, — совсем другое.

Подумайте, что такое Юньтянь Шуйцзин, какое место она занимает в мире. А он, никому не известный парень, вместо того чтобы цепляться за эту связь, высокомерно пришёл разорвать её. Что это за логика?

Неужели он презирает Юньтянь Шуйцзин?

Уголок рта Мэй Цайлянь дёрнулся:

— В какие игры ты играешь?

— Ни в какие, — с невинным видом ответил Хуа Чэ. — Просто... Лучше всё прояснить заранее, чтобы кто-то у меня дома не ревновал понапрасну.

Мэй Цайлянь была ошеломлена:

— Что?!

Когда Хуа Чэ ушёл, Мэй Цайлянь подняла нефритовую подвеску. Это был превосходный белый нефрит, искусно вырезанный с иероглифами «Тянь Юй» — вторым именем Чу Бинхуаня.

Когда обменивались залогами, было решено, что внуку дадут это имя, чтобы его можно было узнать.

Эту абсурдную помолвку Мэй Цайлянь, конечно, не приняла бы, независимо от того, был ли

Хуа Чэ мужчиной или женщиной. Просто из-за его низкого происхождения и отсутствия влиятельной семьи он не мог принести Чу Бинхуаню никакой пользы.

Чу Бинхуань должен был стать первым на пути Бессмертных, а Юньтянь Шуйцзин — величайшей сектой.

Она должна была резко сказать Хуа Чэ, чтобы он оставил свои надежды, но теперь всё вышло так, будто она сама оказалась в неловком положении. Она чувствовала, что в горле застрял ком, и не могла от него избавиться.

Служанки молча удалились. Одна из них, неся чай, встретила человека и почтительно поклонилась:

— Господин.

— Что случилось?

— К госпоже пришёл молодой человек по фамилии Хуа.

Чу Бинхуань побледнел:

— Где он?

Спросил он, быстро направляясь к павильону Юньтянь.

Служанка поспешно ответила:

— Господин, он уже ушёл. Он сказал, что пришёл разорвать помолвку, вернул залог и ушёл.

Чу Бинхуань резко остановился, с недоверием посмотрев на служанку.

Служанка, боясь, что её господин подумает, что его отвергли из-за презрения, поспешно объяснила:

— У того молодого человека уже есть возлюбленная, поэтому он специально пришёл разорвать помолвку. Не потому что...

— Разорвать помолвку? Возлюбленная?

Служанка почувствовала, что её господин прожевал эти слова и выплюнул их. Ей даже не

нужно было смотреть на его лицо, чтобы понять, насколько оно было грозным. Прежде чем она успела рискнуть жизнью и продолжить объяснения, она услышала ещё четыре слова:

— Я найду его!

<http://bllate.org/book/15412/1362919>